

Е. А. Терюкова

КУЛЬТОВЫЙ ПРЕДМЕТ В МУЗЕЕ (ИЗ ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В РОССИИ 20–30-Х ГОДОВ XX ВЕКА)

1920–1930-е годы в истории российского музейного дела отмечены процессом активного музейного строительства. В период 1919–1927 гг. на территории РСФСР было создано около 250 новых музеев, что было связано с особой культурной ситуацией в стране: остро стоял вопрос о ликвидации массовой неграмотности, сохранении исторического и художественного наследия, его научном изучении в качестве мощного идеологического средства построения нового социалистического общества. Новый импульс музейное строительство получило с основанием в 1925 г. Союза воинствующих безбожников, под эгидой которого началась массовая кампания по созданию антирелигиозных музеев. К 1928 г. в стране было создано более 600 таких музеев. Их сложно отнести к какому-либо определенному типу, пользуясь современной классификацией музеев, которая подразделяет музеи на художественные, исторические, этнографические, естественнонаучные, технические и т. д. Подобно религиозноведческому исследованию, междисциплинарный характер которого определяется сложностью и многогранностью религиозного феномена, экспонирование предметов религиозного назначения в 20–30-е годы отличалось комплексностью и специфическими формами. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: культовый предмет, антирелигиозные музеи, Музей истории религии, музейное дело в России.

Е. А. Teryukova

SACRED OBJECT IN THE MUSEUM SPACE (ON MUSEUM CREATION IN 1920–1930-s RUSSIA)

In the 1920-s–1930-s there was a dynamic cultural policy in Russia. It was determined by a necessity to eliminate a mass illiteracy, to protect historical and art heritage and to provide its scientific research as powerful tools of ideological influence on the socialist society. This activity was reflected in opening of new museums. Around 250 new museums were organized in the Soviet Russia in 1919–1927. In 1925 the League of Militant Atheists was founded and it started the campaign for creation of anti-religious museums. In 1928 there were about 600 anti-religious museums. They were difficult to classify according to the modern museum classification which includes art museums, historical museums, ethnographical museums, museums of natural history, museum of history of science and technology and so on. As the complexity of the religious phenomena specified the multiplicity of a religious research so the religious objects on display had to find their specific forms and complex character. Refs 11.

Keywords: sacred object, anti-religious museums, Museum of the History of Religion, museum study in Russia.

В истории отечественного музейного дела 1920-е — 1930-е годы отмечены исключительно бурным процессом музейного строительства. По данным Наркомпроса, в 1919–1927 гг. на территории РСФСР было создано порядка 250 новых музеев. Это было связано со специфической культурной ситуацией в стране: с одной стороны, остро стоял вопрос о ликвидации всеми доступными средствами массовой неграмотности, а с другой — о сохранении исторического и художественного наследия в условиях национализации и о его научном изучении в качестве мощного идеологического средства построения нового социалистического общества. Новый импульс музейное строительство получило с основанием в 1925 г. Союза воинствующих

Терюкова Екатерина Александровна — кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; eateriukova@mail.ru

Teryukova Ekaterina A. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; eateriukova@mail.ru

безбожников, под эгидой которого началась массовая кампания по созданию антирелигиозных музеев. По данным Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями — государственного органа, в 1921–1930 гг. координировавшего научные исследования теоретического профиля и пропаганду науки и культуры в РСФСР, к 1928 г. в стране было создано более 600 таких музеев [1, с. 23]. Что представляли собой эти антирелигиозные музеи? Их сложно отнести к какому-либо определенному типу, пользуясь современной классификацией музеев, которая подразделяет музеи на художественные, исторические, этнографические, естественнонаучные, технические и т. д. Подобно религиозному исследованию, междисциплинарный характер которого определяется сложностью и многогранностью религиозного феномена, экспонирование предметов религиозного назначения должно было обрести свои специфические формы и комплексный характер.

Уникальность ситуации, в которой возникали антирелигиозные музеи в советской России, заключалась в том, что эти музеи рождались в чрезвычайно сжатые сроки, часто исключительно за счёт энтузиазма их создателей [2, с. 263], которые в большинстве случаев (хотя из этого правила были и счастливые исключения, пример тому — Музей истории религии в Ленинграде, который входил в систему АН СССР) не являлись специалистами ни в области истории религии, ни в области музейного дела, но должны были решать важные музейные задачи по формированию фондов, созданию экспозиций, проведению выставок и организации просветительской работы, а также научные задачи по изучению коллекций и выработке методов их экспонирования. По сути дела, мы можем говорить о том, что в 1920-е — 1930-е годы в нашей стране происходил нигде и никогда более не имевший места эксперимент по созданию музея нового типа.

Именно экспериментальным путём, создавая экспозицию и сразу же принимаясь за её реэкспозицию, или, как тогда говорили, реорганизацию, решали так называемую «проблему плана», т. е. концепции и структуры экспозиции, для глубокой проработки которой часто не хватало времени, в результате чего экспозиция распалась, что осознали как специалисты, так и посетители музеев. Это ставило перед музейными работниками целый ряд проблем методологического свойства.

От того, насколько успешно удавалось решать эти проблемы, зависела дальнейшая судьба антирелигиозных музеев. А она была различной. Срок существования одних не превышал несколько месяцев, другие, как, например, Центральный антирелигиозный музей (ЦАМ) в Москве, обрели своего посетителя, сформировали постоянную экспозицию, вели активную выставочную, лекционную, собирательскую, научную и методическую работу и постепенно эволюционировали в музеи для изучения религии, что находило отражение и в их названии. Так, ЦАМ в 1942 г. был переименован в Музей истории религии и атеизма, а открывшийся в 1932 г. в ленинградском Казанском соборе музей изначально назывался Музеем истории религии, в отличие от существовавшего с 1929 г. в бывшем Исаакиевском соборе Ленинградского антирелигиозного музея (ГАМБИС). В конечном счете проверку временем и коллизиями истории выдержал только один музей, где предметом профессионального изучения и показа стала религия во всем многообразии её исторических форм, — Музей истории религии (МИР) в Ленинграде.

Как следует из названия, миссию антирелигиозного музея составляла музейно-антирелигиозная работа по воспитанию научного, материалистического мировоз-

зрения [3, с. 8]. Предметом показа была религия, трактуемая в соответствии с марксистским учением о социальной природе религии как исторический феномен и элемент надстройки. Задача музеев состояла в том, чтобы способствовать преодолению религиозных пережитков через противопоставление религиозно-идеалистического и научного, т. е. диалектико-материалистического, взгляда на природу и общество, раскрывать антинаучный характер религиозных представлений, давать сумму положительных, т. е. научных знаний о природе и человеке. В журнале «Безбожник» за 1932 г. указывалось, что антирелигиозные музеи должны стать крупнейшей базой развертывания антирелигиозной пропаганды [4, с. 14].

Однако встает вопрос: а зачем потребовалось такое дорогостоящее средство пропаганды, как музей, чем оно отличалось от других широко использовавшихся Союзом воинствующих безбожников средств — лекций, передвижных выставок на щитах, периодических изданий, съездов и т. п.?

Ответ мы находим в периодических изданиях 20–30-х годов, в журналах «Безбожник» и «Антирелигиозник», а также в фототеке Государственного музея истории религии, в которой сохранилась коллекция фотографий, представляющих виды залов различных антирелигиозных музеев. В распоряжении музеев имелось такое незаменимое и важное средство, как «конкретный материал», «определённые вещи», документы, которые позволяли наглядно, а следовательно, наиболее доступно представить эволюцию религиозного мировоззрения и атеистических идей [4, с. 14]. Именно наглядность как главный принцип музейной работы выгодно отличала музеи, но для создателей музеев она означала новые требования и новые трудности, связанные со спецификой экспонирования культовых предметов и поиском тех средств художественного оформления, которые позволят максимально полно представить музейный предмет не только с точки зрения его исторического и художественного значения, но и идейного содержания.

Эффективность этой новой формы просветительской работы доказывают цифры, фиксирующие число посетителей антирелигиозных музеев. Например, ЦАМ с ноября 1929 по ноябрь 1930 г. посетило 235 000 человек, что ставило этот музей в Москве на второе место по посещаемости после Третьяковской галереи [5, с. 66]; открывшийся 17 апреля 1930 г. в бывшем Владимирском соборе Киева Антирелигиозный музей посетило в 1931 г. 102 000 человек [6, с. 15]; Музей истории религии в Ленинграде в 1938 г. посетило 246 500 человек [7, Вр-9-27].

Однако эффективность музеев зависела от ряда факторов. Прежде всего, необходимо было определить, какие теоретико-методологические принципы могли быть положены в основу экспозиции музея данного типа. Авторы экспозиции ЦАМа взяли за основу марксистский принцип общественных формаций, который, по их мнению, позволял сформировать диалектическое представление об истории религии и её роли в жизни общества, с методологической же точки зрения экспозиция была построена по историко-тематическому принципу: «картина работы православной церкви в историческом разрезе» дополнялась рассказом об «отдельных сторонах» её жизни [8, с. 50]. Творческий коллектив во главе с В. Богораз-Таном в Музее истории религии в Ленинграде придерживался историко-типологического принципа, рассказ об истории религии тоже велся через призму социально-экономических формаций, однако упор делался на том, чтобы «по возможности полно и многосторонне отобразить конкретные исторические религии и религиозные организации» [9, с. 51].

Стремление построить экспозицию на основе принципов марксистской методологии выявило проблему помещений и фондов. Её решение не всегда зависело от усилий музейщиков. Для того чтобы «показать религию как надстройку на протяжении всех общественных формаций» [5, с. 67], коллекция антирелигиозного музея должна была располагать таким огромным количеством экспонатов, которое превышало возможности как ЦАМа, так и любого другого музея.

Фонды антирелигиозных музеев составляли, во-первых, первоклассные предметы религиозного искусства или подлинные предметы культа, а во-вторых, обширный вспомогательный материал, который должен был показать историческую эпоху и те социально-политические условия, в которых создавались и бытовали произведения религиозного искусства. Это был главным образом «плоскостной материал» — репродукции, фотографии, документы, книги, брошюры и т. п., что ставило перед создателями экспозиции уже не только теоретические и методологические проблемы, но и проблемы чисто экспозиционного свойства. Как показывают сохранившиеся фотоматериалы, баланс между объёмным и плоскостным предметом удавалось выдержать не всегда. Как правило, «безбожные музеи» (как они иногда именовались в периодике тех лет) «были беднее, скуднее, чем многие другие», не дотягивались до уровня остальных музеев СССР, походили больше на стенгазету, чем на музей [5, с. 71]. Объёмных, эмоционально насыщенных предметов, которые лучше воспринимаются и «доходят» до посетителя, катастрофически не хватало, как, впрочем, не хватало и выполненных на высоком художественном уровне антирелигиозных картин и скульптур — их также заменял плоскостной антирелигиозный плакат.

Другая серьёзная проблема — помещения. Очень часто под нужды антирелигиозных музеев выделялись помещения бывших культовых сооружений, таких как Храм Сретенского монастыря в Москве, Исаакиевский и Казанский соборы в Ленинграде, Троицкий собор в Пскове, Владимирский — в Киеве, Донской монастырь (где был организован Антирелигиозный музей искусств) и др. В связи с этим вставал вопрос об адаптации храмового пространства под экспозиционные цели, с тем чтобы музей религии не превратился в музей-храм. Если говорить об общих тенденциях, то в большинстве случаев надо отметить бережное отношение к храмовым зданиям со стороны музейщиков, смотревших на них как на памятники архитектуры. Порой в неприкосновенном виде сохранялись иконостас и предметы алтаря, дабы представить посетителям алтарь православного храма в том виде, какой он должен иметь при богослужении, и тем самым показать «церковную механику в действии» [5, с. 69] (наглядные примеры тому — антирелигиозные музеи в зданиях бывшего Троицкого собора в Пскове и бывшего Владимирского собора в Киеве). Авторы экспозиции рассматривали алтарь с иконостасом как своего рода макет или обстановочную сцену, включенную в общую логику экспозиции. Правда, такой подход имел и оборотную сторону: в ЦАМе и в других музеях фиксировались случаи, когда верующие крестились на иконы или прикладывались к мощам, что воспринималась как серьёзная помеха на пути десакрализации культового предмета и превращения его в музейный экспонат.

Что могло помочь справиться с этой проблемой? Выход виделся в одном — в переходе от «кустарщины», «развески икон», «механического развешивания религиозных материалов, снабжённых соответствующими надписями, разъясняющими

смысл предмета или документа», иначе говоря — от «беспринципного развешивания аннотированных экспонатов», к специфически музейному показу. Нужно было сделать так, чтобы «музей заговорил музейным языком, а не являлся богатой иллюстрацией к тексту, даваемому экскурсоводом. Если такое использование рисунков законно для книжки, то в музее должно быть как раз наоборот. Пояснения экскурсовода — только иллюстрация к убедительному документальному языку вещей, умело и продуманно экспонируемых» [5, с. 70].

Какими специфическими средствами музейной выразительности располагал экспозиционер в антирелигиозном музее? Прежде всего — это сам показ. Музей должен был говорить не сказом (устным или письменным), а показом. Именно в этом и виделась особенность музейной работы. Но показывать можно по-разному. В традиционных музеях предмет экспонируется как самодостаточное произведение искусства или некий любопытный объект. По этому пути первоначально пошли и антирелигиозные музеи [10, с. 6]. Сперва казалось, что уже сам показ памятников религиозного искусства как памятников искусства был значительным шагом к утверждению светского мировоззрения, что, оказавшись в музейном пространстве, эти памятники утрачивали ореол таинственности и становились объектами наблюдения и изучения. Но вскоре стало ясно, что одного показа предметов культа как предметов искусства недостаточно, что содержание термина «показ» в таком музее должно быть расширено, дабы предмет можно было представить в процессе, в действии, «во всех связях и всех опосредованиях», в контексте тех идей, которые этот предмет нес, и целей, которым служил [5, с. 67]. Лишь в этом случае можно было приблизиться к пониманию смысла, функции, условий бытования предмета. Для достижения этой цели в арсенале экспозиционера были и метод сопоставления (например, в соборе бывшего Донского монастыря имелись комплексы «религиозно-театрального ритуала» мечети, синагоги, костёла и кирхи, позволяющие установить их сходства и различия [10, с. 6]), и метод контраста, и вспомогательные материалы, призванные поддержать и развить заданную тему. Постепенно приходило и понимание роли художника в создании экспозиции.

Следует особо отметить активное включение в экспозицию антирелигиозных музеев 20–30-х годов такого инструмента показа и рассказа, как макеты, обстановочные сцены, диаграммы. В фототеке Музея истории религии сохранились снимки отдельных макетов и диаграмм из ЦАМа в Москве, ГАМБИСа и МИРа в Ленинграде. Например, привлекает к себе внимание снимок, представляющий выполненный в ГАМБИСе в натуральную величину и установленный перед алтарной зоной макет ежегодно совершавшегося в храме обряда омовения ног. С этим макетом связан интересный казус, отражающий ту атмосферу спешки, в которой готовились первые экспозиции. Как заметил строгий критик, при оформлении этого макета сотрудники музея «расписались в своей неграмотности». Запечатленный обряд должен совершаться священниками в ризах греческого покрова, одинаковых на всех участниках священнодействия. А в экспозиции музея манекены были представлены по меньшей мере в четырёх разных по типу и цвету одеяниях — от уставных греческих до наградных георгиевских. «Перепутав одеяния духовенства, работники музея увлеклись и забыли вскрыть социальную сущность обряда; в результате — абсолютная ненужность макета» [11, с. 89].

Открытый в 1932 г. Музей истории религии уже мог опираться на ранее накопленный опыт других музеев и воспользоваться лучшими из решений, найденных их создателями.

Таким образом, фотоматериалы из фототеки Музея истории религии и публикации из периодической печати 20–30-х годов позволяют нам познакомиться с бесценным опытом, накопленным отечественными музейщиками в области решения проблемы экспонирования предметов культа и произведений религиозного искусства в музейном пространстве. Научное раскрытие темы и достойное художественное оформление, достижение наглядности, привлекательности для посетителя, информативности и в то же время высокого музейного уровня показа остаются актуальными задачами и в наши дни.

Литература

1. Тарасова И. В., Ченская Г. А. Из истории музейного дела в России: музей церковно-археологический и антирелигиозный // Труды государственного музея истории религии. Вып. 2. СПб.: Изд-во «Акционер и К^о», 2002. С. 17–30.
2. Кандидов Б. П. Путь борьбы. Воспоминания о работе по организации Центрального Антирелигиозного музея // Советское государство и религия. 1918–1938 гг. Документы из Архива государственного музея истории религии. СПб.: Каламос, 2012. С. 263–316.
3. За антирелигиозный музей — школу атеизма! // Безбожник. 1933. Вып. 7. С. 8.
4. Три года существования Центрального антирелигиозного музея // Безбожник. 1932. Вып. 10. С. 14.
5. Коган Ю. Практические задачи музейно-антирелигиозной работы // Антирелигиозник. 1931. Вып. 6. С. 66–72.
6. Жаров А. М. Киевский антирелигиозный музей на службе социалистического строительства // Безбожник. 1936. Вып. 7–8. С. 15.
7. Фонд «Фототека» Государственного музея истории религии.
8. Кандидов Б. К вопросу об организации Центрального антирелигиозного музея // Антирелигиозник. 1926. Вып. 12. С. 48–52.
9. Тан-Богораз В. Г. От собора к Музею истории религий // Антирелигиозник. 1936. Вып. 1. С. 50–54.
10. Леонов А. Антирелигиозный музей искусств // Безбожник. 1933. Вып. 4. С. 6.
11. По Исаакиевскому собору // Антирелигиозник. 1931. Вып. 8. С. 89–92.

Статья поступила в редакцию 5 февраля 2014 г.